

Гуманитаризация образования: взгляд из библиотеки

Опубликовано: ЧЕЛОВЕК.– 1996.– № 4.– С. 75–87.

Мое гуманитарное – филологическое – образование достаточно традиционно для библиотечного работника. Специальность же – библиотечный социолог – напротив, достаточно редка как в социологии, так и в библиотечном деле. Может быть, сочетание именно этих двух факторов уже более четверти века заставляет меня заниматься проблемой участия библиотеки в формировании гуманитарной культуры – как общества в целом, так и «отдельного» абонента. Мне представляется, что из библиотеки можно увидеть те аспекты, реалии, неожиданные порой последствия социокультурных процессов, которых не увидишь из школы, из вуза, из НИИ, из министерства. Эти аспекты, реалии и последствия сегодня вызывают у меня и моих коллег-библиотекарей как новые надежды, так и новые тревоги.

Тема «учащийся в библиотеке» в последние годы стала одной из самых острых и самых обсуждаемых в профессиональном библиотечном сообществе. Она почти

неизбежно возникает и на совещаниях администраторов, организаторов – тех, кто должен вырабатывать и осуществлять библиотечную политику, и на теоретических семинарах, конференциях. Она материализуется для работников абонементов и читальных залов – в виде потока молодых посетителей, запросы которых надо выполнить, для комплектаторов – в виде огромного количества книг и периодики, каталогов и прайс-листов, из которых надо выбрать самое стоящее и при этом не самое дорогостоящее.

Подчеркиваю, что говорю не о библиотеках учебных заведений (чьей задачей и является, собственно, обеспечение процесса образования), а о других – публичных (массовых) и научных, призванных удовлетворять различные запросы различных групп населения. Именно здесь гуманитаризация образования определила значительные изменения и в составе посетителей, и в содержании спроса. Размышления о таких изменениях, об их причинах и следствиях, некоторые случаи (case-stories), иллюстрирующие эти размышления, и составили содержание настоящей статьи.

О возможностях, доступности и роли различных библиотек вчера и сегодня

Известно, что получение гуманитарных знаний связано с чтением в большей степени, чем получение знаний естественнонаучных или технических. Понятно поэтому, что обращение детей, подростков и молодежи в библиотеки, мотивированное, как правило, учебными заданиями, чаще всего определялось заданиями по предметам гуманитарного

цикла. Для школьников – по истории и литературе; для студентов до начала 80-х годов – по «идеологическим» (тоже ведь гуманитарным) дисциплинам – истории КПСС, диамату, истмату, научному коммунизму, политэкономии. Запросы были достаточно типовыми: критические разборы программных художественных произведений и сами эти произведения; программные работы классиков марксизма-ленинизма и комментарии к ним (второе – гораздо чаще, чем первое); материалы партийных съездов и пленумов. Издательская политика и принципы комплектования библиотек позволяли удовлетворять большую часть таких запросов.

Уже более двадцати лет назад результаты наших исследований свидетельствовали: чем менее типовым является запрос, тем вероятнее получение отказа. Среди неудовлетворенных работой библиотек выделялись поэтому учащиеся специализированных школ (существовавших все это время, несмотря на «волнообразное» отношение к ним властей и населения) и те, кто получал новые или достаточно узкие специальности. Однако при этом вплоть до конца 80-х – начала 90-х годов большую часть запросов учащихся так или иначе удовлетворяли библиотеки учебных заведений.

Еще одним источником получения материалов, необходимых для учебы, до начала 70-х годов были для молодых жителей региональных центров научные библиотеки. Но затем этот источник стал менее доступным или недоступным вовсе. Важной (хотя и не единственной)

причиной ограничений явились, конечно, сомнения власти в «достаточной идеологической подготовленности» широкого читателя (в том числе молодого) к восприятию того, что он мог извлечь из хотя и ограниченных спецхраном, но все же обширных фондов и каталогов. Школьники и студенты были вытеснены в «предназначенные для них», «специально открытые» юношеские библиотеки и юношеские подразделения массовых библиотек.

В Москве такого рода процессам во многом способствовали, к сожалению, специалисты из исследовательских отделов библиотеки им. Ленина. Их «эксперименты по координации обслуживания учащейся молодежи библиотеками различных типов» каждый раз увенчивались выводом из главной библиотеки страны все новых читательских групп. В 1972 году был закрыт юношеский зал, обслуживавший школьников. Через несколько лет та же судьба постигла общий зал, активно посещавшийся студентами московских вузов. Формировавшаяся в это время специализированная система библиотечно-библиографического обслуживания юношества претендовала на монополию. Однако юношеские библиотеки и подразделения не могли предоставить своим абонентам доступа к тем ресурсам, которыми обладали научные библиотеки. Ограничения оказались наиболее болезненными как для элитных групп (учащихся специализированных школ, выходцев из культурных, высокообразованных семей), так и просто для

любопытных, способных юношей и девушек. Но массовые запросы, как уже было отмечено, выполнялись, библиотек и учебных заведений работали – средний читатель-учащийся спокойно учился по типовым учебникам, получая типовые знания со всеми их плюсами и минусами. Именно такая ситуация сохранялась до конца 80-х годов, когда начались перемены в образовании.

В массовых библиотеках эти перемены сказались сразу же. На регистрационных читательских карточках все чаще стали появляться гимназии, лицеи, колледжи, университеты, академии, в названиях учебных заведений замелькало слово «гуманитарный». Темы запросов сначала медленно, потом все быстрее модифицировались, учащиеся-негуманитарии заговорили о совсем новых дисциплинах.

Бурные изменения в структурах и программах учебных заведений сопровождались, однако, упадком их библиотек. Создают ли опасность сложившейся ситуации педагоги-администраторы и те, кто на самом верху реализует новую концепцию образования? Мне и моим коллегам представляется, что большинство из них явно недооценивает роль библиотеки. Одна из респонденток достаточно четко сформулировала и написала в анкете то, о чем так или иначе упоминают многие юноши и девушки: «У нас теперь не школа, а лицей, мебель современная, компьютеры, спортивный зал, даже бассейн есть. И программа новая, интереснее, чем раньше. А в библиотеке книг почти не прибавилось».

Поэтому радостное удивление у меня и моих коллег

вызывают слова и поступки тех организаторов образования, которые считают библиотеку учебного заведения определяющим фактором образовательного процесса. Именно так, буквально повторяя друг друга, звучали утверждения двух людей, достаточно известных в сообществе гуманитариев – ректора Российского государственного гуманитарного университета Юрия Николаевича Афанасьева (на конференции «Библиотека в контексте истории» в июне 1995 года) и ректора Московской высшей школы социальных и экономических наук профессора Манчестерского университета Теодора Шанина (на встрече библиотекарей Москвы с работниками этого вуза и его библиотеки в феврале 1996 года). Оба ректора, в меру своих возможностей, как раз и пытаются создать в своих вузах такие библиотеки.

Но это исключения. Библиотеки учебных заведений сегодня чаще всего в кризисе – по многим объективным причинам. Сложности, связанные сначала с недостатками книгоиздания, затем – с финансированием, в последние годы мешали им удовлетворять запросы учащихся. Новые же, негосударственные, вузы создавались либо вовсе без библиотек, либо с библиотеками, существующими лишь формально. Удовлетворение запросов, связанных с учебными заданиями, все в большей степени падало на публичные и научные библиотеки.

Case-story I

Юношеская библиотека в Перово. На наши вопросы отвечает студент Международного института экономики и права – негосударственного вуза, учебные корпуса и

библиотека которого находится в Балашихе. Тема его задания – русская социология начала XX века. В списке литературы – учебники, книги П. Сорокина, журнальные статьи. В этой библиотеке нет фактически ничего. А в вузовской? В читальном зале, говорит он, можно получить материалы, хотя экземпляров мало. Но на абонементе книги выдаются лишь под залог – до 50 долларов за каждую. А ведь надо платить за обучение, денег не хватает. «Мне еще хорошо, моя группа занимается в главном здании, и я могу после лекций пойти на несколько часов в читальный зал, – добавляет юноша. – А другие группы учатся в других концах города. Ребятам приходится искать по всем библиотекам, ксерить, брать друг у друга – и все равно часто мы не можем найти того, что рекомендуют преподаватели».

С середины 80-х годов научные библиотеки регионов постепенно стали возобновлять обслуживание молодежи и лиц без высшего образования. В конце 1993 года вновь открылся общий читальный зал Ленинки (ныне – Российской государственной библиотеки). Поток новых читателей был настолько мощным,

что «привел к перегрузке на всех этапах технологических процессов обслуживания, образованию очередей, снижению качества обслуживания, увеличению числа нарушений правил пользования» (цитирую справку, составленную работниками РГБ, но знаю, что примерно то же происходит в региональных научных библиотеках). Весной 1995 года, когда справка писалась, студенты составляли более 40% читателей РГБ (в 1986 – менее 3%, в

1990 – 17%, в 1993 – 22%). .Особенно активно росла численность тех, кто стал студентом недавно и кого перемены в образовании коснулись в наибольшей степени: два из каждых трех читателей-студентов были первокурсниками или второкурсниками.

Чаще всего посетителями «больших» библиотек становятся, конечно же, студенты-гуманитарии. В РГБ, как свидетельствует та же справка, они приходят как из вузов со старыми уважаемыми библиотеками – МГУ, МГПУ, МОПУ, МГЮА, РГГУ, ГАУ, так и из новых негосударственных вузов – Московского экстерного (sic!) гуманитарного университета. Нового гуманитарного университета. Открытого гуманитарного университета.

Еще одна «большая» московская библиотека – Историческая, через все общественные катаклизмы пронесшая в своем названии слово «публичная», сейчас фактически таковой быть перестала. Школьников сюда не записывают вовсе, а из студентов записывают только историков. Тем не менее все залы переполнены; работая в прежнем режиме, библиотека просто задохнулась бы.

Надо помнить при этом, что большие библиотеки требуют от своих абонентов и определенных культурно-технологических навыков, и определенных психологических установок, которыми обладает далеко не любой учащийся. Такие библиотеки не приспособлены и не должны приспособливаться к удовлетворению массовых учебных запросов. Библиотекари здесь прекрасно понимают, что выполняют зачастую не свои функции, и отнюдь не в

восторге от этого.

В тех региональных центрах, где есть крепкие юношеские библиотеки, они частично «отводят» поток школьников, гимназистов, лицеистов (в меньшей степени – поток студентов), стремящихся в научные библиотеки. Но только частично. И только вне которых больших городах. А перемены в образовании происходят всюду.

В Москве проблему в большей степени решает Российская государственная юношеская библиотека, которая никогда не страдала от недостатка посетителей, а сегодня, как отметил один из наших респондентов, «по нужным материалам опережает библиотеку в институте и около дома, а по очередям отстает от Ленинки и Исторички». В РГЮБ приезжают со всего города. Но кого мы встретим здесь чаще всего? Учащихся расположенных сравнительно недалеко школ и гимназий (с запросами по гуманитарным дисциплинам) и студентов-гуманитариев все из тех же МГУ, МГПУ, МГЮА, МГСУ, негосударственных гуманитарных вузов. И еще – студентов-негуманитариев, но с запросами опять же по гуманитарным дисциплинам.

Близкую картину можно видеть в переполненной Центральной городской библиотеке им. Некрасова, в большинстве библиотек Москвы, где количество учащихся зависит в основном от того, какие нужные для подготовки к занятиям материалы они надеются там или здесь найти. Это относится, между прочим, и к детям. Самые прилежные и упорные (особенно девочки) могут обойти в поисках нужной книжки несколько детских библиотек, а в случае

неудачи приехать (сами или с родителями) в Центральную городскую детскую или в Республиканскую детскую. Достаточно характерным стало не только обращение родителей, бабушек и дедушек в свои взрослые библиотеки за книгами для детей и внуков: в читальных залах этих библиотек можно увидеть мужчин и женщин среднего и пожилого возраста за написанием докладов и рефератов для младших членов семьи. И чаще всего это работы по гуманитарным дисциплинам.

Работники библиотек, их руководители не могут не замечать, как растет доля запросов, связанных с гуманитарным знанием. Внимание к возможностям собирания и использования соответствующей литературы становится все пристальнее, тем более что простор для выбора есть. В последние годы появились массовые библиотеки, специализирующиеся на комплектовании экономической, юридической, философской литературы и периодики. В Москве таких библиотек несколько, они небольшие, находятся в разных концах города, но те, кто узнал об их существовании и возможностях, приводят знакомых, количество посетителей увеличивается, местные власти, насколько могут, поддерживают. Основные потребители специализированного фонда – студенты-гуманитарии, они идут сюда прежде всего потому, что не могут получить нужных материалов в своих учебных библиотеках. А сотрудничество учебных и публичных библиотек, существовавшее (пусть часто и формально) в застойные годы, сегодня большей частью утрачено. Хотя, с другой стороны, появляются совершенно новые варианты такого

сотрудничества.

Case-story 2

Небольшая библиотека в центре Москвы. Несколько лет назад здесь арендовал помещение для занятий Экономико-лингвистический колледж. Теперь у колледжа есть свое здание на Каширском шоссе. И – редчайший случай для негосударственного учебного заведения – создается библиотека. А создают ее для колледжа, на деньги колледжа – работники массовой библиотеки. Их используют как специалистов, знающих литературу, источники ее приобретения, систему ее классификации, наконец читателя. Пока скомплектованный фонд (в основном – учебники и пособия) находится в библиотеке, но учащиеся колледжа могут им пользоваться; впоследствии он переедет туда, где находятся учебные аудитории. Надеюсь, это будет пусть небольшая сначала, но библиотека, а не случайное собрание – ведь работали профессионалы. И руководители колледжа вызывают у меня уважение – они думают и о своих студентах, и об уровне своего заведения. Но это опять исключение...

Научные и публичные библиотеки оказались «на переднем крае». И в борьбе за гуманитаризацию образования поражений у них сегодня, пожалуй, не меньше, чем побед.

О запросах и отказах

Поток учебных запросов молодых посетителей массовых библиотек, медленно возраставший в течение 70-х и 80-х годов, в 90-е увеличился поистине стремительно. Прежде всего это были запросы на материалы по экономике,

праву, философии, политологии, социологии, страноведению, иностранным языкам, добавившиеся к традиционно первенствующим запросам по литературоведению и истории.

Новые реалии и новая трактовка фактов в «старых» дисциплинах (литературоведении, истории, экономике); дисциплины, вообще новые для российских учащихся (политология, культурология) – весь этот поток инноваций фактически не был вплоть до самого последнего времени обеспечен учебниками и пособиями (в некоторых аспектах он не обеспечен и сейчас, и продлится это, очевидно, еще не один год). Выполнять учебные задания многим студентам и даже школьникам приходилось и приходится исключительно с помощью конспектов и статей в периодике.

В библиотеке сложившаяся ситуация отразилась не только повышением спроса на газеты и журналы, но прежде всего «всплеском» тематических запросов. До 1990 года их доля в заявках учащихся была несколько меньше доли запросов на конкретную книгу или статью. Затем она начала возрастать, и пик роста пришелся на 1992–1994 годы. В это время типичный молодой посетитель юношеских и массовых библиотек приходил сюда с формулировкой темы, проблемы. Иногда он предъявлял также небольшой список литературы, рекомендованной преподавателем для подготовки по этой теме, – одно или несколько названий книг, а чаще статей. Формулировки (особенно у школьников) были не всегда точны, порой читатель вообще

не мог растолковать библиотекарю суть задания. Записанная со слов преподавателя или товарищей по учебе библиография тоже нуждалась в существенной корректировке.

Нельзя сказать, что ситуация изменилась в корне, но учебников и пособий по гуманитарным дисциплинам сегодня много. Большую роль сыграл (и продолжает играть) проект их конкурсного отбора и издания – «Обновление гуманитарного образования в России». Собственно «соросовская серия» этих книг была бесплатной и малотиражной (2-5 тысяч), они попали, очевидно, прежде всего в библиотеки учебных заведений. Но в дальнейшем некоторые издательства продолжили сотрудничество с авторами, ряд учебников переиздан, они продаются, их могут приобрести и сами учащиеся, и библиотеки. На рынке представлена и покупается библиотеками (насколько позволяет финансирование) самая различная гуманитарная литература – первоисточники», научные и философские монографии, проблемные сборники и т. д.

В 1994-м и особенно в 1995-м году факультеты и кафедры вузов активизировали выпуск методических пособий, в частности по гуманитарным дисциплинам. Предлагаемые в них темы и подтемы сопровождаются, как это и полагается, библиографией, где в большей или меньшей степени учтена новая литература, статьи из периодики. И вот результат – в наших последних исследованиях зафиксирован рост значимости конкретных учебных запросов. Тематический спрос сегодня все еще

опережает конкретный, но разрыв между ними уменьшается. Студенты (школьников это касается в меньшей степени) теперь все чаще приходят в библиотеку с методичками, а если в процессе отбора материалов запрос все же становится тематическим, то виной этому – отсутствие нужных конкретных книг и статей. Небольшие тиражи, дороговизна, недостаточная и пока еще непривычная для библиотек система информации о выходящей литературе, сложности книгораспространения – все это создало многочисленные и труднопреодолимые проблемы комплектования.

Но и учебники, и методички, и сами учебные заведения, посылающие к нам читателей, бывают разные.

Case-story 3

Российская государственная юношеская библиотека. Студентка Московского экстерного гуманитарного университета пришла сюда с учебником по философии XIX века, изданным этим учебным заведением. Такие учебники библиотекари видят не впервые – МЭГУ издал их, по разным дисциплинам, несколько десятков. Они называются «книгами авторизованного изложения» и все построены одинаково – по разработанной в университете системе. Студенту даются по каждой учебной теме: «идеограмма» (схематическое изображение важнейших понятий и их связей), библиография и несколько вопросов. Он должен сам («авторизованно») составить ответы, то есть написать для себя данный учебник (конспект). Я не педагог и не могу оценить эффективность эксперимента. Однако в течение уже нескольких лет вместе с работниками отделов обслуживания РГЮБ и библиотекарями Москвы я наблюдаю буквально нашествие студентов МЭГУ. Пока учебников со списками литературы еще не было, они нередко требовали тексты нужных

ответов прямы у библиотекарей. Некоторые доказывали, будто МЭГУ заключил договор с библиотеками Москвы (в частности с библиотекой МГ'У) на приоритетное обслуживание своих студентов. Однако когда РГЮБ предложила МЭГУ действительно заключить такого рода договор и оплатить ту работу, которой должна бы заниматься отсутствующая в вузе учебная библиотека, — был получен резкий отказ.

Девушка, с которой я сейчас разговариваю, должна сформулировать и «вписать» в своей учебник ответ на вопрос «в чем Гегель видит сущность развития» (примерно десять строчек). Она получила большую часть литературы из списка, однако не удовлетворена. Чем? Тем, что не может найти подходящий для «вписывания» ответ. Мне трудно ее осудить — ей дали задание, не научив, как его выполнить. У меня такое ощущение, что родители студентов МЭГУ оплачивают не образование, а самообразование своих детей, причем — плохо организованное. Впрочем, девушке мы с библиотекарем, вспомнив то, что когда-то учили, помогаем написать нужный конспект... Сегодня учебное задание является причиной обращения школьника или студента в массовую библиотеку примерно в 85 случаях из 100, в научных же библиотеках практически нельзя встретить молодого человека, читающего книгу или статью просто «из личного интереса» (другое дело, что интересным для него может быть выполнение задания). Художественная литература, еще десяток лет назад составлявшая большую часть библиотечной выдачи, сейчас явно уступает нехудожественной. А классическая художественная литература в подавляющем большинстве случаев берется

молодыми людьми опять-таки в связи с учебными заданиями.

Основную часть спрашиваемой нехудожественной литературы составляют учебники и книги гуманитарной тематики: за ними обращаются более 60% всех посетителей-учащихся, а среди студентов – более 80%. Рейтинг дисциплин в различных библиотеках (в зависимости от их величины, расположения, статуса) может варьироваться, но количественные различия невелики, а на первых местах неизменно располагаются история, экономика, право, литературоведение. За ними следуют в том или ином порядке философия, культурология, политология, страноведение, психология, социология, педагогика. При этом студенты негуманитарных учебных заведений (как высших, так и средних специальных) обращаются в массовые библиотеки за материалами по своим профильным дисциплинам несравненно реже, чем за материалами по истории, политологии, культурологии и истории культуры.

Вот небольшая выборка из сотен учебных тематических запросов, зафиксированных мною и моими коллегами в 1993-1996годах. Я специально не стала их классифицировать, чтобы можно было представить, с чем сталкивается библиотекарь в течение даже одного рабочего дня. Просто перечисляю: Древняя Русь, послевоенное «экономическое» чудо в Германии, документы жилищного законодательства, инквизиция, пейзаж в лирике Волошина и Цветаевой, иностранные специалисты на службе

Российской империи, мировые цивилизации, особенности цивилизации майя, Петр II, пенсионное обеспечение в современном мире и России, методика преподавания иностранных языков, экономика швейного производства, метод интервью в социологии, боярыня Морозова в истории и на картине Сурикова.

Case-story 4

Кемеровская областная юношеская библиотека. Двое девятиклассников должны подготовить к уроку литературы доклад об Анне Олениной. «Учительница сказала, что надо взять сборник стихотворений, которые Пушкин ей посвятил». Сборника такого в библиотеке нет (его вообще нет в природе, а что на самом деле сказала учительница, узнать довольно сложно), нет и академического собрания сочинений. Мне приходится выйти на время из роли социолога и признаться, что в студенческие годы я занималась лирикой Пушкина. Вместе с библиотекарем перебираем литературоведческие книжки. Я листаю тома имеющегося собрания и самое толстое «Избранное», судорожно пытаюсь вспомнить, кому что адресовано. Результат поиска – два стихотворения. Мальчики берут книги, я возвращаюсь к опросу. Я, в общем, довольна собой, они тоже говорят, что удовлетворены. Но выполнено ли задание? И знала ли учительница, что именно она задавала? И что делал бы библиотекарь, не оказись рядом с ним бывший пушкинист?

Удивительно, что молодые респонденты в большинстве случаев довольны теми библиотеками, в которых их «заставали» интервьюеры. Они, очевидно, твердо знают: библиотеки бедные, спасибо и за то, что в них можно найти, а уж чего нет, того нет. Нет многого. В течение уже достаточно долгого времени поток отказов на

учебные запросы (и конкретные, и тематические) возрастает. Если в середине 80-х в Российской государственной юношеской библиотеке, несмотря на ее уникальные возможности комплектования, отказ хотя бы на один из запрошенных материалов получал каждый четвертый посетитель с учебной заявкой, то в конце 80-х – уже каждый третий, а с начала 90-х годов – почти каждый второй. В массовых библиотеках такого рода отказов (особенно студентам), конечно, еще больше, хотя далеко не все фиксируются библиотекарями. Данные исследований свидетельствуют: прежде всего речь идет о литературе гуманитарного профиля.

Конкретные отказы – это прежде всего учебники. По экономике и маркетингу – как переводные (П. Самуэльсона и В. Нордхауса, К. Макконелла и Ст. Брю, Э. Додана, Ф. Котлера), так и отечественные – А. Лифшица, Б. Райзберга; по философии – прежде всего краткие курсы последних лет издания, но и переизданные учебники Н. Лосского, В. Зеньковского. Не хватает учебников по русской и современной западной философии, по русской истории – старой и новой, по истории литературы, детской литературе. В постоянном дефиците учебники и пособия по различным отраслям права, по бухгалтерскому учету, финансам и ценам. Очень трудно получить учебники иностранных языков, словари, самоучители, разговорники. Неизменно отмечается респондента ^{мн}отсутствие справочных (особенно – новых) материалов.

Массовые библиотеки не могут дать учащимся

рекомендуемую преподавателями философскую и историко-культурологическую литературу, поэтому в список отказов попали «Исследование о причинах богатства народов» А. Смита, «Афоризмы» А. Шопенгауэра, «Бунт человека» А. Камю, «Иметь или быть?» Э. Фромма, «Осень средневековья» Й. Хейзинги, сборник «Сумерки богов». Судя же по данным справки, составленной сотрудниками Российской государственной библиотеки, отказы на труды Аристотеля, Платона, Гегеля, Декарта, Канта, Вебера, Ницше, Ключевского, Вернадского являются типичными, поскольку спрос явно превышает возможности фонда. Даже самая большая библиотека постоянно отказывает студентам в журналах «Экономические науки», «Вопросы экономики», «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Вопросы психологии», «Государство и право» и других.

А вот темы, запросы по которым сопровождались отказами. Как и в предыдущем случае, я их не классифицировала. Просто перечисляю: современная экономика России, русская иконопись, религии мира, история Японии, керамика Гжели, экономика предприятия, династия Романовых, психотерапия, Сталин и сталинизм. Лун Армстронг, штат Индиана, стратегия внешнеэкономической политики США, проблемы управления промышленным производством, реформы Петра I, жизнь и творчество В.Нижинского, личные качества секретаря и пути их совершенствования.

Отказ далеко не всегда означает, конечно, что посетитель уходит из библиотеки с пустыми руками. Если

запрос конкретный, может быть найдена замена. Дефицитные учебники и пособия библиотекарь пытается заменить другими учебниками, научной или даже научно-популярной литературой; одну монографию – другой. Результат зависит от сути задания, от профессионализма и эрудиции библиотекаря, от дотошности и упорства читателя.

Case-story 5

Библиотека в одном из старых районов Москвы. В читальном зале нашу анкету заполняет серьезный человек. Он уже не юноша – 27 лет. Работает помощником следователя и учится на первом курсе Юридического института. Тема, с которой ему надо выступить на семинаре, – «Нравственное осознание позиции личности». Из списка литературы, рекомендованной преподавателем, здесь ничего нет. Попытки подобрать замену с помощью систематического каталога тщетны – кроме всего прочего, и потому, что ни читатель, ни библиотекарь не представляют четко, в каком разделе могут быть нужные материалы. По той же причине оказывается неэффективным и обращение к картотеке статей (хотя в других случаях подобные картотеки, имеющиеся, кстати, далеко не во всех массовых библиотеках, бывают очень полезными). Мы не в силах помочь этому читателю, поскольку поле проблемы для нас чужое, ее «местонахождение» неясно. Молодой человек огорчен, он явно пошел учиться с серьезными намерениями, к заданиям относится ответственно. Однако место для выполнения такого задания – прежде всего библиотека вуза с ее фондом, ее справочным аппаратом, ее кадрами, включенными в содержание и выполнение образовательных программ.

Очень частый случай – нужных материалов нет в абонементе; школьника или студента отсылают в читальный

зал. Вот как описывает шестнадцатилетний гимназист одну из подобных ситуаций: «В зале холодно, стулья неудобные, закрывается он рано. Хорошо бы давали книги оттуда, хотя бы на ночь – под залог или за деньги. Мы просили, и родители наши приходили. Может быть, получится». Конечно, есть библиотеки с прекрасными, комфортными читальными залами. Но молодежь все равно сидеть там не любит. Молодежь, безусловно, одобряет ночной абонемент материалов из читальных залов, платный абонемент дорогих учебников, ксерокопирование в библиотеках – она поддержит все, что позволит ей заниматься там, где удобно (в частности дома, в кресле, под магнитофон), и тогда, когда удобно (в частности ночью). Тем более, что публичные библиотеки не злоупотребляют этой поддержкой, их платные услуги достаточно дешевы. Но выдать каждому ученику по учебнику на абонементе – задача школьной и вузовской библиотеки.

*О желании, понимании,
критическом мышлении и о факторе времени*

В связи с обновлением и изменением системы образования, не только в научных, но и в массовых библиотеках учебные запросы дифференцировались, отношение к подбору материалов у многих читателей стало серьезнее. Однако библиотекаряю видно, что поток считающихся необходимыми гуманитарных знаний, вопреки стремлениям организаторов этого потока, одних учащихся сбивает с ног, другим забивает глаза, а третьих

побуждает отойти в сторону и никогда ни к чему «такому» серьезно не относиться.

Когда ученица колледжа спрашивает «труды Огюста» и лишь случайно оказавшийся рядом социолог выясняет, что речь идет об Огюсте Конте, – это вызывает улыбку. Но когда из дальнейшей беседы становится понятно, что девушке достаточно (да и посильно) прочесть соответствующий раздел в учебнике, а рекомендовали ей все-таки Конта, которого не каждый специалист одолеет, – улыбаться уже не хочется. Я никогда не была сторонницей возрастных ограничений в чтении и спокойно отношусь к тому, что четырнадцатилетняя гимназистка пришла в библиотеку за «Декамероном». Смущает лишь то, что она не прочесть его мечтает, как ее сверстница десять или двадцать лет назад; нет – ей его задали, она его изучает. Хорошо ли, что все чаще запросы связаны с письменными заданиями, с рефератами? Наверное, да – здесь в большей степени требуется организовать свое знание, построить текст, и родному языку заодно подучишься. Но кто и о чем пишет эти рефераты?

Case-story 6

Абонемент небольшой библиотеки в центре Москвы. Конец дня. Студентка Медицинского университета, с которой я беседую, живет рядом, но едва успевает сюда после занятий. На днях ей нужно сдать реферат о Макиавелли страниц на пятнадцать-двадцать. Тщательный поиск на полках и по каталогу выявляет лишь пару научно-популярных книжек об эпохе Возрождения. В читальном зале есть энциклопедия. Девушка почти в слезах объясняет мне, что в вузовской

библиотеке материалов нет, придется обращаться в читальный зал, а еще, наверное, идти в Ленинку, где огромные очереди. «Я должна сидеть и учить названия всех костей на латыни, зачем мне этот Макиавелли, вообще, кто придумал, что медики должны писать такие работы? Лучше бы давали больше времени на занятия по специальности, а для общей культуры я пойду на концерт, на выставку, журнал почитаю».

А правда – может быть, медикам не надо писать про Макиавелли? Может, лучше про Гиппократата или про Сервета? А может быть, вообще им не надо писать по двадцать страниц, пусть лучше учат про кости, мышцы и органы, чтобы потом хорошо нас лечить? А может, те женщины среднего и пожилого возраста, которых я встречала в читальных залах многих библиотек за написанием такого рода текстов, – это матери и бабушки студентов и студенток, сочувствующие детям и внукам, захлебывающимся в потоке непрофильных знаний?..

По смыслу гуманитаризация образования противостоит одной из вчерашних его основ – идеологизации. Но сегодня порой просматривается определенное типологическое сходство восприятия нынешними школьниками и студентами-негуманитариями новых для них гуманитарных дисциплин – с восприятием их вчерашними сверстниками «идеологических» дисциплин. Многие юноши и девушки готовят доклады и рефераты по культурологии, политологии, истории так же формально, как их старшие братья и сестры (а еще раньше – их родители) готовились к семинарам по диамату, истмату и научному коммунизму. Потому что темы докладов и рефератов чаще

всего далеки как от содержания и проблем будущей профессиональной деятельности, так и от жизненных, человеческих (гуманитарных) проблем детей, подростков, молодежи.

Гуманитаризация образования предполагает, что учащийся (с помощью соответствующим образом построенных программ, ведомый преподавателями) открывает для себя часть большого мира гуманитарной культуры и учится ориентироваться в этой части – знать не только факты, но и их различные трактовки, интерпретации, видеть связи фактов и мнений, отбирать и сопоставлять. Но судя по запросам, фиксируемым в библиотеках, учебные задания почти всегда требуют лишь изложения знаний, полученных из книг. Даже студентам-гуманитариям для выполнения таких заданий не надо сравнивать позиции разных авторов, и уж тем более – формулировать собственный взгляд на проблему и на значимость источников. Громоздя на столах читальных залов работы не только филологов и философов, но и политологов с совершенно различными точками зрения, молодые люди зачастую составляют из выписок тексты рефератов, либо обходя несовпадающие аспекты, либо просто не обращая внимания на наличие противоречий.

Анализируя формулировки учебных запросов и роль различных библиотек в выполнении заданий, я постоянно вспоминаю российско-американский семинар «Критическое мышление и библиотека», проходивший в июне 1992 года. Так получилось, что российскую сторону на нем

представляли работники научных и публичных библиотек, преподаватели библиотечных вузов, а американскую – работники университетских библиотек. Коллеги рассказывали нам, как вместе с преподавателями они формируют у студентов это самое «критическое мышление» (их термин, вынесенный нами в название семинара) с помощью того, что они называли «library instruction» и «bibliographic instruction». Наш, российский, термин «приобщение к библиотечно-библиографическим знаниям», как выяснилось, лишь частично «покрывал» содержание этой деятельности, особенно в смысле связи ее с образовательным процессом.

С восхищением и некоторой завистью мы слушали, как библиотекари участвуют в составлении учебных программ, как строят они свои отношения с преподавателями различных дисциплин, как помогают вести группу и каждого студента от курса к курсу. Примеры заданий, приведенные коллегами, были удивительны¹.

Case-stories 7, 8 (американские)

Библиотека Корнуэльского университета. Задание первокурсникам, разработанное совместно преподавателем политологии и библиотекарем. Надо прочитать или прослушать речи, произнесенные в период войны между Ираком и Кувейтом политиками конфликтующих сторон (в том числе, конечно, США), а также публикации об этих выступлениях, их интерпретации в различных источниках массовой информации, выделить те источники, которыми конфликтующие стороны пользовались. Необходимы собственные выводы о соответствии заявлений политиков реальному положению вещей и о влиянии этих

речей на общественное мнение. Еще одно задание, уже для старшекурсников: найти материалы о том или ином авторе, занимавшемся проблемами рабства в Америке (речь шла об ученых конца XIX – начала XX века), узнать, что печаталось по той же тематике в годы, когда издавались труды этого автора. Надо было описать взгляды ученого на проблему, проанализировать возможные причины его ошибок и предубеждений. Студентов специально просили проверить ссылки и сноски в текстах, чтобы оценить надежность исследований данного автора. В качестве письменной работы могла быть засчитана также и аннотированная библиография по проблеме.

Я не рассчитываю, что в ближайшие годы студенты наших университетов будут получать подобные задания, а библиотеки этих университетов – участвовать в составлении программ, такие задания включающих. Но я уверена, что никакое учебное заведение – от ПТУ до университета – не может организовать образовательный процесс, если он не поддержан собственной библиотекой – фондами, справочным аппаратом, специалистами. А уж существование гуманитарного университета без библиотеки – это просто нонсенс.

Мне хотелось бы – как библиотечному социологу, как гуманитарию, как читателю – чтобы Ленинка, Историчка, большие региональные библиотеки, оставаясь общедоступными, выполняли сложные запросы тех студентов или даже школьников, которые занимаются научными изысканиями. Чтобы публичные библиотеки могли уделять больше внимания тем, кто приходит со «свободными» (то есть не связанными непосредственно с

учебой и работой) запросами, могли тратить больше средств на соответствующую литературу. Чтобы каждый способствовал гуманитаризации образования на своем месте.

Ну а пока такое время не наступило – поток учебных запросов в научных и публичных библиотеках растет. Библиотекари пытаются выполнять такие запросы. А я изучаю, что из этого получается.

¹См.: Критическое мышление и библиотека: Материалы российско-американского семинара 1–5 июня 1992 года. Вып. 1–2. М., 1992.